

практическое выражение в готовности идти на новые финансовые жертвы, сделали компромисс между этими разнонаправленными интересами возможным.

Временное правительство в политической системе России 1917 г.

Кирилл Соловьёв

The Provisional government in Russia's political system in 1917
Kirill Soloviev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

После Февраля 1917 г. традиционные властные институты ушли в прошлое, а новые ещё не сложились. Представления же о власти, бытовавшие в различных кругах общества, сильно расходились с формировавшейся реальностью, которая сама по себе была весьма многогранной. В итоге политическая система распадалась на части, а государственная власть утрачивала монополию на насилие¹. В провинции на авансцену выходила неapolитическая власть, которая даже не задумывалась о собственной легитимности и устанавливала своё господство явочным порядком². Революция стала временем «распыления» власти, которая потом была собрана воедино, но уже по-новому.

Всё это затрудняет характеристику Временного правительства. Оно создавалось как орган высшей государственной власти, но, в сущности, с этой ролью не вполне справлялось. В условиях распада единой ткани политической системы правительство должно было постоянно и быстро эволюционировать, принаравливаясь к совместной работе с новыми политическими игроками и властными институтами. Такая ситуация не описывается традиционным языком права. В результате возник популярный в историографии (как, впрочем, и в публицистике 1917 г.) термин «двоевластие», позволивший приспособить реалии того времени к традиционным представлениям о власти, которая будто бы не качественно изменилась в условиях революции, а просто «раздвоилась». В этой связи в центре внимания чаще всего оказывалось взаимодействие Временного правительства и Петросовета³.

Само слово «правительство» порой настраивает историков на его изучение как «регулярного» учреждения, подобного Совету министров дореволюционной России. В рамках такого подхода может показаться, что Временное правительство, несмотря на постоянно менявшийся состав и саму архитектуру

© 2016 г. К.А. Соловьёв

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-12025.

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645.

² Герасименко Г.А. Народ и власть (1917 год). М., 1995. С. 89–108; Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 308–315.

³ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 388–403. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 249–251; См. также: он же. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте–апреле 1917 г. М., 1978; Критический словарь Русской революции: 1914–1921. СПб., 2014. С. 298–304.

власти в стране, проводило определённую политику, реализовывало собственную программу. Однако говорить о его программе или политической стратегии можно лишь на коротком временном промежутке⁴. Конечно, сомнения на сей счёт не отменяют необходимости изучения преобразований новой власти⁵ или отдельных аспектов её деятельности⁶. Эти темы, безусловно, достойны тщательного изучения – однако с учётом постоянно менявшейся социальной среды и правовых условий, под воздействием которых трансформировался и сам кабинет министров. Это был тот редкий случай, когда политическая система преобразовалась даже быстрее составлявших её институтов.

Падение монархии стало своего рода «большим взрывом» для политической, социальной системы страны, после которого должна была появиться совсем новая Россия. О её параметрах современники могли только догадываться. Им оставалось лишь надеяться, что процесс складывания новой системы пройдёт в правовых рамках, в чём ключевую роль сыграет всенародно избранное Учредительное собрание, о котором издавна мечтали революционеры разных направлений. В любом случае не ставилось под сомнение, что «распалась связь времён» и новый порядок должен покоиться на принципиально новых основаниях. Говоря словами известного правоведа Я.М. Магазинера, «успешная революция означает захват власти над самим правопорядком, так что захват сам становится исходной точкой нового правопорядка», который, естественно, за несколько дней не успел сложиться⁷.

Практически все участники политического процесса в феврале – начале марта 1917 г. подчёркивали, что революционная Россия остро нуждается в немедленном установлении стабильного правового режима, который не зависел бы от ожидания результатов работы Учредительного собрания. Так что приходилось рассчитывать, что те или иные политические формы вскоре возникнут в центре и на местах в результате общественной самодеятельности⁸.

Эта мысль стала своего рода *idée fixe* для представителей депутатского корпуса, которые волею судеб и в значительной мере неожиданно для себя оказались в центре политической жизни России в конце февраля 1917 г. Не веря в собственную легитимность, они рассчитывали на авторитет общественных объединений. Не случайно Временный комитет Государственной думы, занятый формированием новой организации власти, старался учитывать позицию общественных союзов, чья поддержка должна была обеспечить устойчивость правительственных учреждений. В том числе и по этой причине Комитет не слишком торопился с провозглашением состава кабинета министров. В Петрограде дожидались приезда кн. Г.Е. Львова, который считался безусловным лидером «цензового общества»⁹.

⁴ Именно по этой причине понятно, почему Ф.А. Гайда, анализируя «механизм власти» Временного правительства, остановился исключительно на первом его составе (Гайда Ф.А. Механизм власти Временного правительства (март–апрель 1917 г.) // Отечественная история. 2001. № 2. С. 141–153).

⁵ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 654–677.

⁶ Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962; Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966; Игнатьев А.В. Внешняя политика Временного правительства. М., 1974.

⁷ Магазинер Я.М. Республика или монархия // Право. 1917. № 9. Стб. 483.

⁸ Понтович Э.Э. Непосредственное народное творчество в области организации местного управления // Там же. № 15. Стб. 849–850.

⁹ Миллюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. София, 1921. С. 43.

Ситуация осложнялась принципиальной неготовностью «политического класса» однозначно характеризовать свершившуюся революцию, к которой с неизбежностью апеллировали новые власти. С одной стороны, «великая бескровная» считалась безусловно национальной революцией. Отсюда и вытекала концепция будущей Конституанты, которой предстояло перевернуть весь правовой уклад России. С другой – не вызывала сомнения ключевая роль армии в низвержении «старого порядка». Страх перед военными материализовался в виде советов, которые были отнюдь не только рабочими¹⁰. Иными словами, так и не был решён вопрос, кто в конечном итоге победил в революции: нация, которая ещё не сказала последнего слова, или петроградская толпа, уже считавшая себя вправе диктовать свою волю.

Новая формула власти была следствием тупиковой ситуации, когда возникший кабинет не мог игнорировать насущные потребности времени, господствовавшие общественные настроения и в то же время не чувствовал себя вправе предрешать волю нации, от имени которой могло говорить лишь Учредительное собрание. Весьма характерны первые декларации Временного правительства, которое, определяя политическую линию на ближайшее будущее, своё место в складывавшейся политической системе, должно было так или иначе заявить о собственном видении целей революции. Хотя бы по этой причине правительство при всем желании не могло быть сугубо техническим. Всякое его пусть даже вынужденное высказывание меняло политический ландшафт России.

3 марта 1917 г. Временное правительство огласило декларацию, в которой фактически нашла отражение программа действий нового кабинета. «В своей настоящей деятельности кабинет будет руководствоваться следующими основаниями: 1. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д. 2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военнотружущих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями. 3. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. 4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны. 5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. 6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. 7. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении. 8. При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы – устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обстоятельствами для какого-либо промедления в осуществлении вышеизложенных реформ и мероприятий»¹¹.

В дальнейшем Временное правительство быстро приняло комплекс мер, принципиально изменивших правовую систему России. Были упразднены по-

¹⁰ Вишняк М.В. Организация власти в ходе русской революции (политический обзор) // Год русской революции (1917–1918 гг.). Сборник статей. М., 1918. С. 68.

¹¹ Право. 1917. № 8. Стб. 419–420.

литические и реформированы мировые суды, отменены дискриминационные нормы в отношении различных национальных и конфессиональных групп, последовательно проведён принцип свободы совести, разработан закон о выборах в Учредительное собрание, принят декрет об аграрной реформе, введён 8-часовой рабочий день, созданы арбитражные суды, рабочие комитеты, подготовлено законодательство, регулировавшее деятельность кооперативов и т.д. С формальной точки зрения правительство как будто бы «не предпрещало» ключевые вопросы общественной и политической жизни России: последнее слово в любом случае должно было оставаться за Учредительным собранием. В действительности же преобразования, намеченные в декларации, должны были привести к качественным изменениям.

Правительственные гарантии провозглашённых гражданских свобод, всеобщее избирательное право, придание органам местного самоуправления статуса правительственных учреждений, создание народной милиции – всё это принципиально меняло властную конструкцию в России, запуская процесс децентрализации власти. Такое положение казалось членам правительства вполне нормальным, соответствовавшим духу революционного времени. В частности, кн. Г.Е. Львов в интервью 7 марта высказывался о реформе местного управления: «Это вопрос старой психологии. Временное правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. В местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением... Мы все бесконечно счастливы, что мы можем творить новую жизнь народа – не для народа, а вместе с народом... Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений. Какое великое счастье жить в эти исторические дни!»¹².

Иными словами, новая архитектура российской власти должна была стать результатом общественной самодеятельности, самоорганизации населения. Кабинету же отводилась задача лишь фиксировать происходившие изменения. Даже провозглашение республики 1 сентября 1917 г. принципиально не противоречило этому принципу. Уже весной 1917 г. мало кому приходила в голову мысль о возможности возрождения монархии в России. Сентябрьское постановление правительства констатировало очевидное, при этом не предпрещая вопроса об организации власти.

Подобная «скромность» обуславливалась прежде всего тем, что Временное правительство с неизбежностью оказывалось в «подвешенном состоянии». Оно не могло тянуть свою легитимность с дореволюционных времён, но и в новых революционных условиях не чувствовало себя вполне уверенно. Не случайна формула П.Н. Милюкова, найденная им в ходе выступления в Таврическом дворце 2 марта 1917 г. В ответ на высказывание одного из присутствовавших о том, что Временное правительство никем не было избрано, лидер кадетов отвечал: «Нас выбрала русская революция, но мы не сохраним этой власти ни минуты после того, как свободно избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих их доверия»¹³. В сущности, Милюков признавал Временное правительство случайной

¹² Там же. С. 67.

¹³ Там же. С. 51. Согласно газетным сообщениям, эту же мысль П.Н. Милюков сформулировал так: «Я слышу, меня спрашивают, кто вас выбрал. Нас никто не выбирал, ибо если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы бы не могли вырвать власти из рук врага. Пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успел бы организовать и победить и вас, и нас. Нас выбрала русская революция» (Известия. 1917. 2 марта. № 6).

властью, готовой в любой момент уступить своё место власти законной. Подобным образом оценивал положение и председатель Временного правительства кн. Г.Е. Львов. В марте 1917 г. в беседе с журналистом газеты «Новое время» он объяснял: «Великая русская революция сделала нас исполнителями воли народной и хранителями прав народа до созыва Учредительного собрания. Мы знаем хорошо, что управление в условиях революционного времени не может походить вполне на управление при обычном течении жизни. Мы в полной мере оцениваем заслуги и значение всех тех сил страны, которые сыграли главную роль в выявлении воли народной в час великого переворота, а мы делаем отсюда соответствующие выводы. Мы прилагаем и будем прилагать все старания наши, чтобы осуществлять полноту власти, которую нам вверила народная воля, в согласии с этими силами»¹⁴.

Ситуация осложнялась ещё и тем, что Временное правительство пришло к власти, когда большая часть России ещё не знала о произошедшей революции. Весть о ней распространялась не сразу и неравномерно – в первую очередь в крупных городах и вблизи железных дорог. Её глашатаями часто выступали дезертиры, возвращавшиеся в родные деревни. При этом некоторые губернии (Могилёвская, Казанская и др.) вплоть до апреля 1917 г. «не замечали» революции. Почти повсеместно сохранялась местная власть в лице урядников и становых. Некоторые священники даже в пригородах Петрограда порой себя вели так, как будто бы ничего не произошло. Новость же о политическом перевороте, рано или поздно доходявшая до самых отдалённых населённых районов империи, нередко взрывала социальную ситуацию. Так, в Нижегородской губ. она привела к крестьянским волнениям, в Бессарабской – к еврейским погромам¹⁵.

С учётом этих обстоятельств, а также масштаба произошедших революционных изменений и того факта, что Россия находилась в состоянии войны, не могло быть и речи о сложной конструкции политической власти в стране. Нити управления и законотворчества, по крайней мере на время, должны были оставаться в одних руках – кабинета министров. В журнале Временного правительства от 9 марта 1917 г. был пересказан доклад видного правоведа Н.И. Лазаревского, где определялся порядок законотворчества. По словам Лазаревского, законы следовало принимать солидарным решением министров¹⁶. В постановлении правительства от 9 мая 1917 г. лишний раз подчёркивалось, что «дела, направлявшиеся в порядке ст. 86 и 87 Основных государственных законов... разрешаются властью Временного правительства»¹⁷. Более того, порой даже отдельные министры издавали законы, не согласовывая их со своими коллегами¹⁸. По словам министра путей сообщения Н.В. Некрасова, «с точки зрения государственно-правовой, Временное правительство обладает всей полнотой власти, всем суверенитетом... Ведь власть Временного правительства, если хотите, есть власть выше самодержавной, выше той власти, которой обладал царь и Государственная дума каждый в отдельности, потому что власть Временного правительства законодательная в полном объёме и исполнительная в полном

¹⁴ Беседа с князем Г.Е. Львовым // Новое время. 1917. 19 марта (1 апреля). № 14731.

¹⁵ Март–май 1917 г. // Красный архив. 1926. Т. 2(15). С. 33–34.

¹⁶ Архив новейшей истории России. Сер. «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 г. В 4 т. Т. 1. Март–апрель 1917 г. М., 2001 (далее – Журналы заседаний). С. 64.

¹⁷ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. Пг., 1918. С. 19.

¹⁸ Завадский С.В. На великом изломе (Отчёт гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.). Под знаком Временного правительства // Архив русской революции. Т. 11. Берлин, 1923. С. 30.

объёме. С этой точки зрения в лице двенадцати «самодержцев» Временного правительства... мы имеем известного рода диктатуру, совмещающую в себе всю полноту власти»¹⁹.

Кабинет был коллективным диктатором, и каждый его министр зачастую также обладал диктаторскими полномочиями. Например, в вопросах реализации Положения о подоходном налоге широчайшие полномочия предоставлялись министру финансов²⁰. Как впоследствии писал сенатор С.В. Завадский, «старый режим не понимал надобности в разделении властей законодательной и исполнительной, а новый режим смешал их ещё более, да ещё и верховную власть с ними слил воедино»²¹. Так, Временное правительство делегировало себе право помилования²². 9 марта Святейший Синод присвоил Временному правительству имя «благоверное». Теперь его следовало упоминать в ходе церковных служб вместо императора. 10 марта Г.Е. Львову была вручена резолюция Постоянного совета Объединённого дворянства, который от имени всего благородного сословия России обещал верой и правдой служить Временному правительству²³. Бывший известный монархист В.М. Пуришкевич в марте 1917 г. объезжал воинские части и призывал солдат подчиниться Временному правительству²⁴. Всё больше было свидетельств того, что новая власть стала восприимчивой старой, монархической.

Министры Временного правительства не могли не принадлежать к «старой» России и на первых порах видели в совершавшемся перевороте победу некоторых её институтов (Государственной думы, органов земского самоуправления), на глазах уходящих в прошлое. Кроме того, относительный консерватизм новой власти обуславливался стремлением многих её представителей установить преемственность новой правовой системы по отношению к старой. Примечательно, что решением Временного правительства от 11 марта 1917 г. продолжала действовать Табель о рангах²⁵. 14 марта было принято решение о публикации ещё не изданных актов верховного управления, причём в журналах Временного правительства подчеркивалось: те из них, что не противоречили новым политическим реалиям, продолжали действовать²⁶. Решения об отмене той или иной правовой нормы порой оформлялись со ссылкой на 87 ст. Основных законов 23 апреля 1906 г.²⁷ Это как будто бы противоречило принципам, установленным в ходе первого заседания Временного правительства 2 марта 1917 г.²⁸ Никто не упразднял ни Государственной думы, ни Государственного совета, ни Правительствующего Сената; сохранялась и прежняя система орденов. 13 мая 1917 г. была приостановлена подготовка законопроекта об отмене

¹⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 475.

²⁰ Журналы заседаний. С. 56, 104.

²¹ Завадский С.В. Указ. соч. С. 11.

²² Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства... С. 163.

²³ Там же. С. 132.

²⁴ Известия. 1917. 4 марта. № 8.

²⁵ Журналы заседаний. С. 74.

²⁶ Там же. С. 95–96.

²⁷ Там же. С. 162.

²⁸ На этом заседании высказывалось следующее мнение: «Нет оснований полагать, что Временное правительство во время перерывов занятий Государственной думы может издавать меры законодательного характера, применяя порядок, установленный ст. 87 “Основных законов”, так как после происшедшего государственного переворота основные законы Российского государства должны считаться недействительными» (Там же. С. 385).

всех сословных ограничений, так как подобная мера потребовала бы существенной переработки всего имперского законодательства. Всё перечисленное подчёркивало тот факт, что «новая» Россия до поры до времени стремилась сохранить связь с Россией «прежней», дореволюционной²⁹.

Однако это был формальный взгляд на вещи. На практике Временное правительство «стеснялось» своей диктатуры и всячески стремилось разделить ответственность с «общественностью». Главным образом, по той же причине было создано Юридическое совещание. Консультируя кабинет по правовым вопросам, оно, в сущности, обретало полномочия законодательного учреждения, чья точка зрения должна была всегда учитываться министрами. Примечательно, что оно приступило к работе ещё до своего формального учреждения. Уже 8 марта 1917 г. Временное правительство поручило Юридическому совещанию определить статус комиссаров из членов Государственной думы³⁰. По заключению совещания правительство отменило придворные чины и звания³¹. Решение же об учреждении совещания нашло отражение в журнале Временного правительства лишь 20 марта 1917 г.³²

Однако уже летом 1917 г. активность Юридического совещания идёт на спад. Оно продолжало периодически собираться, работали его комиссии. Но правительство всё меньше интересовалось правовым обеспечением законодательной деятельности. За всё время своей работы совещание участвовало в подготовке лишь 56 актов кабинета. В сущности, оно активно работало лишь при первом составе Временного правительства, что было обусловлено преимущественно кадетским обликом самого совещания.

Деятельность Юридического совещания – лишь частный пример того, как правительство избегало брать на себя прямую ответственность за законодательные решения, перекладывая её на плечи авторитетных правоведов. В итоге Временное правительство быстро «обросло» различными комиссиями и совещаниями, которые стали неотъемлемой частью новой политической системы. По словам В.М. Гессена, «одной из наиболее важных задач революции является организация общественной самодеятельности, привлечение к государственному делу неисчерпаемых духовных и материальных сил народа»³³.

25 марта 1917 г. было создано Особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание³⁴. Решением 21 апреля были образованы Главный и местные земельные комитеты «для подготовки земельной реформы и для разработки временных неотложных мер впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием»³⁵. Примечательно, что первый министр земледелия во Временном правительстве кадет А.И. Шингарёв

²⁹ В действительности тут сказывался характерный для кадетов «исторический оптимизм». Они были убеждены, что их программные требования и тактические установки вполне соответствовали тенденциям исторического развития России: кадеты призывали плыть туда, куда и так нёс «ветер» истории. Однако «команда корабля» должна сделать его движения более плавными. «Нет больше места революции. Мыслима только эволюция», – повторял П.Б. Струве в марте–апреле 1917 г. (Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 299).

³⁰ Журналы заседаний. С. 56.

³¹ Там же. С. 91.

³² Там же. С. 138–139.

³³ Гессен В.М. Задачи революции // Право. 1917. № 8. Стб. 432.

³⁴ Журналы заседаний. С. 166.

³⁵ Там же. С. 327.

привлѣк к работе в своём ведомстве преимущественно представителей Партии социалистов-революционеров³⁶. Это имело существенные последствия. Министерство издало постановление об обязательной отдаче в казну большей части урожая всех частных хозяйств, что ставило под сомнение возможность их дальнейшего существования. Когда С.И. Шидловский спросил Шингарёва о перспективах реализации этого правительственного решения³⁷, тот ответил, что «совершенно не собирается разрушать частные хозяйства, а про нормы сказал, что, дескать, вы просто их не соблюдайте, если это невозможно, кто, мол, вас там будет проверять»³⁸. Иными словами, принимая подобные решения, министерство решало прежде всего политические задачи, обусловленные духом времени, «музыкой революции». Такая логика определила характер работы и Главного земельного комитета. Первоначально туда были избраны 12 человек, однако когда на первое заседание явилось почти три десятка посторонних, все они тут же были кооптированы в его состав. В итоге, по оценке С.И. Шидловского, Главный земельный комитет из экспертной комиссии превратился в своего рода митинг, на котором тон задавали земские статистики, по большей части придерживавшиеся эсеровских взглядов³⁹. Чем именно должны были заниматься местные комитеты, оставалось загадкой. В правительстве обещали подготовить соответствующую инструкцию, но этого не сделали, и комитетам пришлось самим определять сферу своей компетенции⁴⁰.

Временное правительство создало также Комитет труда, в который на паритетных началах вошли представители рабочих и предпринимателей. Председательствовали в комитете руководители Министерства труда, где тон задавали социал-демократы. Через Комитет труда были проведены многие важнейшие законопроекты: о свободе забастовок, восьмичасовом рабочем дне, ограничении детского труда, страховании рабочих, обеспечении старости и инвалидности, об инспекции и биржах труда, но силу закона получили лишь решения о биржах труда и обязательном страховании рабочих от болезней⁴¹. Как говорил 29 марта министр торговли и промышленности А.И. Коновалов, «при новом строе в освобожденной России министр должен опираться на организации рабочих и промышленников, на биржи, трудовые палаты, профессиональные учреждения. Только прислушиваясь к голосам организованных сил на местах, министр может успешно справиться с обширными задачами. Между тем старый режим старался всячески препятствовать организации таких учреждений»⁴².

23 апреля по инициативе Министерства финансов было создано Совещание для разработки плана финансового преобразования, в компетенции которого было и «обсуждение общих начал текущего финансового управления»⁴³.

³⁶ Шидловский С.И. Воспоминания // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 137.

³⁷ Сам же Шингарёв в тот момент весьма пессимистично оценивал будущее России. В конце апреля он говорил Н.А. Бородину: «Как бы вы знали, друзья мои, как на душе у меня тошно! Наше дело и будущее России близко к гибели» (Бородин Н.А. Мартовская революция // Страна гибнет сегодня... С. 358).

³⁸ Шидловский С.И. Указ. соч. С. 138.

³⁹ Там же. С. 139.

⁴⁰ Там же. С. 139–140.

⁴¹ Ауэрбах В.А. Революционное общество по личным воспоминаниям // Архив русской революции. Т. 14. Берлин, 1924. С. 15.

⁴² Беседа с министром торговли и промышленности // Новое время. 1917. 30 марта (12 апреля). № 14739.

⁴³ Журналы заседаний. С. 336–337.

21 июня были сформированы Экономический совет и Главный экономический комитет «для выработки общего плана организации народного хозяйства и труда»⁴⁴. Вопросы реформирования судебной системы обсуждались при участии прокуроров судебных палат⁴⁵. На Земские и Городские союзы, которые рассматривались правительством как правительственные учреждения, министры рассчитывали в деле разработки вопросов местного управления и финансов⁴⁶.

Наконец, Временное правительство всегда прислушивалось к мнению Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. По воспоминаниям депутата Государственной думы и члена её Временного комитета А.А. Бубликова, министры в ходе заседаний Временного правительства тратили немало времени на звонки членам Совета, спрашивая их мнение по тому или иному вопросу⁴⁷. Термин «двоевластие» в данном случае кажется неоправданным. Правительство зависело не только от Совета, но от великого множества общественных организаций, которые, казалось, и представляли «революционный народ». Речь скорее может идти о нараставшем безвластии, так как правительственная власть в полной мере таковой себя не ощущала.

Петроградский совет – конечно, наиболее авторитетная организация из тех, с кем новым министрам приходилось договариваться. Однако и он к власти и к связанной с ней ответственности в то время не стремился и даже побаивался перспективы стать частью правительственной системы. В этом отношении весьма характерно, что комиссия законодательных предположений Петросовета практически не функционировала⁴⁸. В апреле 1917 г. в Совете очень опасались отставки кабинета Г.Е. Львова, полагая, что она может иметь непредсказуемые последствия для дела революции⁴⁹. Сама организация Исполнительного комитета Петроградского совета заставляет усомниться в его положении «альтернативного правительства». Комитет заседал практически весь день: начинал в час дня и заканчивал поздней ночью. Это означало, что его решения некому было готовить, они принимались под напором обстоятельств, иногда довольно случайно. Разрешение основной массы дел лежало на пленуме Совета, который был завален делами и просто не справлялся с ними. «Важнейшие решения принимались совершенно случайным большинством голосов. Обдумывать было некогда, ибо всё делалось второпях, после ряда бессонных ночей в суматохе. Усталость физическая была всеобщей. Недоспанные ночи, бесконечные заседания. Отсутствие правильной еды – питались хлебом и чаем, и лишь иногда получали солдатский обед в мисках без вилок и ножей», – вспоминал В.Б. Станкевич⁵⁰.

⁴⁴ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. С. 11–12.

⁴⁵ Так, фактически ими было заблокировано решение об установлении принципа сменяемости судей (*Таганцев Н.Н.* Из моих воспоминаний // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 248).

⁴⁶ *Бубликов А.А.* Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 104–105.

⁴⁷ *Бубликов А.А.* Указ. соч. С. 48.

⁴⁸ Н.Н. Суханов объяснял это масштабом стоявших перед ней задач, якобы гораздо более масштабных, чем «просто законодательствовать» (*Суханов Н.Н.* Записки о революции. Кн. 2. Берлин; Пг.; М., 1922. С. 85). Этот аргумент сложно признать убедительным. Видимо, причина бездействия комиссии заключалась в её неспособности организовать сложный законотворческий процесс.

⁴⁹ Там же. Кн. 3. Берлин; Пг.; М., 1922. С. 226.

⁵⁰ Цит. по: *Миллюков П.Н.* Указ. соч. С. 70–71.

Ещё важнее другое: Совет не представлял собой самостоятельной политической силы. Его раздирали внутренние противоречия, он испытывал сильное давление слева и, в сущности, мало контролировал широкие массы. Разумеется, Совет не располагал никаким управленческим аппаратом. Вместе с тем П.Н. Милюков обратил внимание на парадокс: Совет обладал авторитетом, а следовательно, и возможностями, покуда его работа не была упорядочена и на заседаниях царил полнейший хаос. Когда же лидеры «демократии» хотя бы отчасти установили порядок, влияние Совета пошло на убыль⁵¹. Как писал Ф.А. Степун, «душою революции был хаос, оттого и авторитетом революционных масс мог быть только хаотический Совет»⁵². Обладание таким «философским камнем» обеспечивало Совету определенное лидерство. Признавая это, правительство было вынуждено уступать, принимая решения, вписывавшиеся в требования «революционной демократии», хотя последовательно отрицало зависимость от Совета⁵³. Влияние советов действительно сложно было бы описать в привычных юридических терминах. Стихийно формировавшаяся политическая модель была охарактеризована Д.С. Мережковским в виде библейской метафоры: «Это значит, будет, как в Ветхом Завете. Были цари, а при них пророки... У нас будут министры, а при них пророки из Совета»⁵⁴.

С созданием первого коалиционного правительства советы все более инкорпорировались в систему управления России: они санкционировали решения Временного правительства и даже порой участвовали в их выработке⁵⁵. Ситуация осложнялась тем, что «революционная демократия» как бы стыдилась своего сотрудничества с «буржуазией» и тем самым невольно подыгрывала левым радикалам — прежде всего большевикам, которые, по словам Ф.А. Степуна, представляли «контрреволюцию слева». В сущности, получилось, что Петроградский совет, а вместе с ним и Временное правительство оказались «центристами» — единственными защитниками революции, которым угрожали всё более усиливавшиеся контрреволюционеры справа и слева.

Подобные изменения были бы невозможны, если бы состав правительства оставался неизменным. Доминировавшие поначалу либералы вынужденно делились властью с партнерами «слева», в чём также сказывалась неуверенность Временного правительства в собственной легитимности. Как известно, в его первом составе был лишь один социалист — А.Ф. Керенский. Кроме того, министрами стали четыре кадета, два октябриста (при том что «Союза 17 октября» не был массовой партией), прогрессист, «центрист» и двое беспартийных (в их числе и глава кабинета кн. Г.Е. Львов). По мнению лидера эсеров В.М. Чернова, такой состав был «явным анахронизмом», соответствовавшим событиям двухлетней давности⁵⁶. Так думал не только Чернов, но и некоторые члены правительства. В итоге особое значение в кабинете приобрёл Керенский, кото-

⁵¹ Там же. С. 72–73.

⁵² Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. В 2 т. Т. 2. Нью-Йорк, 1956. С. 48.

⁵³ Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 210.

⁵⁴ Там же. С. 83–84.

⁵⁵ Конечно, далеко не все члены Исполнительного комитета Петроградского совета считали такое положение благом. Так, Н.Н. Суханов видел в нём «оппортунизм и соглашательство» (Там же. С. 370).

⁵⁶ Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905–1920. М., 2007. С. 164.

рый едва ли не пользовался на его заседаниях правом *veto*⁵⁷. Наиболее правые министры – И.В. Годнев и В.Н. Львов – неизменно держались левее кадетов⁵⁸.

В первое коалиционное правительство вошли представители Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов (И.Г. Церетели, В.М. Чернов, М.И. Скобелев), а также социалисты, непосредственно не участвовавшие в деятельности Совета (А.И. Пешехонов, П.Н. Переверзев). В итоге 6 из 15 мест получили в правительстве социалисты. Этот состав стал результатом трудного компромисса. Для эсеров было важным провести Чернова в министры земледелия, против чего категорически возражали народные социалисты. Во Временном правительстве хотели заполучить к себе И.Г. Церетели, считая его наиболее авторитетным представителем «демократии». В Совете же рассчитывали сохранить Церетели в своих рядах. Кадеты, в свою очередь, настаивали, чтобы у них министерских портфелей было по крайней мере не меньше, чем у социалистов⁵⁹.

Соглашение состоялось, но оно не изменило правовой статус Временного правительства. Новые министры-социалисты фактически не были ответственны перед Петроградским советом. Правда, поначалу Церетели в качестве министра отчитывался перед Исполнительным комитетом. Его члены «допрашивали» Церетели, возмущались, почему он не согласовал с Советом то или иное решение. «В один прекрасный день он [Церетели] заявил, что данное положение дел, не существующее ни в каких конституциях, он дальше выносить не намерен: если он министр, если ему дали власть, то пусть ему дадут и возможность ею пользоваться. Нельзя быть связанным в каждом своём шаге. Он будет отныне поступать по своему разумению, а если его действия найдут неправильными, то пусть лишат доверия и отзовут его»⁶⁰. Как отмечал Н.Н. Суханов, «советские» министры не зависели от Петроградского совета, который, в сущности, от них ничего и не требовал⁶¹.

24 июля после долгих переговоров был сформирован второй состав коалиционного правительства под руководством Керенского. В него вошли 7 социалистов, 2 беспартийных, 2 радикальных демократа и 4 кадет. Вторая коалиция была сформирована Керенским «под себя». Милюков по этому поводу говорил: «Надо предоставить Керенскому, который обладает всем необходимым авторитетом и всеми качествами для этой задачи, составить кабинет из лиц, которых он сочтёт нужным пригласить. Могут сказать, что Керенский уже пытался это сделать, но задача эта не удалась. Но теперь он будет чувствовать себя уполномоченным на это дело. Раньше он одним концом натолкнулся на кадетов, а другим – на “советы”. А теперь он будет иметь возможность решить, на какую сторону падёт его выбор»⁶².

⁵⁷ Шидловский С.И. Указ. соч. С. 145. А.И. Гучков определял первый состав Временного правительства как «слякоть». Исключение он делал лишь для П.Н. Милюкова (Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. Т. 20. С. 74).

⁵⁸ Бубликов А.А. Указ. соч. С. 31.

⁵⁹ Станкевич В.Б. Революция // Страна гибнет сегодня... С. 258.

⁶⁰ Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн. 4. Берлин; Пг.; М., 1922. С. 53–54.

⁶¹ Там же. Кн. 5. Берлин; Пг.; М., 1923. С. 21.

⁶² Цит. по: там же. С. 102. При этом Керенский настаивал, что он предлагал министерские портфели не партиям, а лицам. Следовательно, не могло быть и речи об ответственности руководителей ведомств перед партиями, в которых они состояли (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 196).

К тому моменту власть Временного правительства была персонифицирована и тесным образом увязывалась с авторитетом его председателя, который обладал в самом кабинете (но не за его пределами) почти безграничными возможностями⁶³. Это была основанная на предполагаемой харизме Керенского «квазидиктатура», тем более естественная, что прежние «подпорки» прерогатив кабинета министров уже не работали. Новый состав правительства не был продолжением Временного комитета Государственной думы, следовательно, не поддерживал преемственности со старым режимом. Но он не мог в полной мере рассчитывать и на поддержку Петроградского совета, чье влияние постепенно сходило на нет. Не было надежды на управленческий аппарат, который с начала года был в значительной мере дезорганизован. Правительственная власть с неизбежностью деинституционализировалась.

На всё это накладывались подвижки в настроениях среди общественных деятелей, которые всё более убеждались в том, что революция, разрушая привычные формы государственного общежития, мостила путь к анархии. Даже среди социалистов всё большую популярность завоевывала мысль о необходимости укрепления правопорядка. Иначе говоря, всё больше участников политических процессов считало возможным сделать вслед за Милюковым вывод, что «революция закончена»: «Бесспорно, что революция продолжается в смысле осуществления тех задач, которые она поставила, и притом задач не только политических, но и социальных. Но “революция кончена” в том смысле, что закончен процесс правового разрыва, тот дальнейший процесс незакономерностей, который составляет сущность революции и привёл к созданию новой революционной власти. Революция уже создала себе свой закон»⁶⁴.

Казалось бы, в начале июля вторая коалиция была сформирована. Тем не менее Керенский вступил в переговоры с радикально-демократической партией, фактически поднимая вопрос о создании третьей коалиции⁶⁵. В рамках этого соглашения министрами стали И.Н. Ефремов и А.А. Барышников. «Затем пошла чехарда кандидатов, министров и “управляющих”. Промелькнули “финансисты” — Бернацкий, Титов; путейцы — Ливеровский, Тахтамышев. Из этих почтенных людей (неопределённой партийности) прочно сидел на месте фактического министра торговли и промышленности один только знаменитый Пальчинский»⁶⁶. 13 июля Керенский вступил в переговоры с кадетами, что в итоге и привело к включению четырёх из них в состав нового кабинета. Дабы убедить в необходимости этого Исполнительный комитет Петросовета, Керенский 21 июля даже подавал в отставку. Таким образом, за июль 1917 г. в действительности сменился не один состав правительства. Совет же смирился с тем, что именно Керенский определял состав кабинета. Не напрасны были слова Н.В. Некрасова, обращённые к «советскому» руководству: «Возьмите же

⁶³ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии: В 6 т. Т. 3. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 402.

⁶⁴ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 688–689. Среди кадетов всё чаще раздавались голоса, что власть должна основываться на принуждении и физическом насилии. Эта уже доминировавшая точка зрения явно расходилась с господствовавшей среди юристов кадетского толка школы возрождения естественного права, согласно положениям которой насилие — сугубо вторичный атрибут государственной власти (Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998. С. 386–387).

⁶⁵ Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн. 5. С. 39.

⁶⁶ Там же. С. 40.

лучше... власть в свои собственные руки и несите ответственность за судьбы России. Если же у вас нет решимости это сделать, то предоставьте власть коалиционному кабинету, и тогда уже не вмешивайтесь в его работу»⁶⁷.

«Квазидиктатура» попыталась стать настоящей. Так интерпретировал создание Директории меньшевик Н.Н. Суханов. Образованная 1 сентября 1917 г. как учреждение чрезвычайного характера, она включала пять членов (А.Ф. Керенский, М.И. Терещенко, А.И. Верховский, Д.Н. Ведеревский, А.М. Никитин), из которых лишь Керенский был самостоятельной политической фигурой⁶⁸. В течение месяца, отведенного историей Директории, шло формирование нового состава правительства. Решения по кандидатурам принимались без учета мнения Совета. Впрочем, и на этот раз Керенский заручился поддержкой «демократии», правда, в лице не Петросовета, а Демократического совещания.

Наконец 25 сентября образовался третий состав коалиционного правительства, естественно, также во главе с Керенским. В него вошли пять социалистов и четыре кадет, а остальные восемь министров считались беспартийными. Иными словами, удельный вес кадетов в правительстве неуклонно снижался. Новая коалиция отвергла даже идею о своей ответственности перед Демократическим совещанием, которое должно было стать лишь консультативным органом при правительстве. Согласно сообщениям прессы, «вопрос о формальной ответственности был отвергнут почти без прений... Представители демократии настаивали на моральной ответственности, но промышленники и кадеты категорически возражали против всякой ответственности: нельзя декретировать моральную ответственность»⁶⁹.

В.Б. Лопухин вспоминал: «Министром было легче сделаться в эти дни, чем помощником столоначальника. Лезли и пролезали в министры, правда на самые короткие сроки, из многочисленных и разнообразных питомников “политических деятелей” того удивительного времени все, кому только было не лень. Временное правительство обратилось в проходной дом, в ярмарку в огромном большинстве тщеславных, но сугубо немощных бездарностей»⁷⁰. Работа в таком правительстве скорее дискредитировала общественного деятеля, ставя под сомнение его дальнейшую карьеру. И.В. Гессен вспоминал: «Когда пресса наседала на Церетели, чтобы он вошёл в состав правительства, он в полном отчаянии говорил мне: “Каков смысл в этом? Разве тот, что ещё одна репутация погибнет”»⁷¹. По оценке В.Б. Станкевича, после формирования первого состава коалиционного правительства кабинет находился в состоянии перманентного кризиса. Сам Керенский говорил, что «правительства уже нет, что оно не работает, а только обсуждает своё положение»⁷².

Изначально порядок работы Временного правительства был установлен в соответствии с дореволюционными образцами. Видный член ЦК партии кадетов, а в прошлом сотрудник Государственной канцелярии В.Д. Набоков, разработавший его, считал было необходимым условием эффективности работы правительства. Правда, предложенный им регламент соблюдался нечасто. До

⁶⁷ Цит. по: Там же. С. 103. По словам Ф.Ф. Кокошкина, влияние Совета на правительство сошло на нет, после отставки с должности министра И.Г. Церетели (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 204).

⁶⁸ Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн. 6. Берлин; Пг.; М., 1923. С. 62.

⁶⁹ Цит. по: там же. С. 170.

⁷⁰ Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 306.

⁷¹ Гессен И.В. Жизненный отчёт // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 366.

⁷² Станкевич В.Б. Указ. соч. С. 256.

июня 1917 г. Временное правительство работало в Мариинском дворце, затем переехало в Зимний. Заседания проходили два раза в день. Дневное должно было открываться в 4 часа дня, вечернее – в 9 часов вечера. В действительности заседания начинались с большой задержкой. В итоге дневное только заканчивалось в 8 вечера, а вечернее продолжалось до глубокой ночи⁷³. Как раз тогда, вечером, канцелярия удалялась и министры рассматривали важнейшие вопросы без протокола, в чём новое правительство очень напоминало прежний Совет министров, который также предпочитал обсуждать политические вопросы «без канцелярии» и обычно глубокой ночью.

Согласно воспоминаниям В.Д. Набокова (и вопреки его усилиям), заседания проходили довольно хаотично. Часто они открывались при отсутствии большинства членов правительства. Министры приходили на заседания крайне утомлённые. Порой они дремали на заседаниях, едва прислушиваясь к докладам коллег. Решения, принятые на заседаниях, записывались весьма приблизительно⁷⁴. Подобное положение, помимо всего прочего, объяснялось и настроениями председателя правительства кн. Г.Е. Львова, который, по воспоминаниям современников, отрицал принципы бюрократической дисциплины и субординации⁷⁵.

Одно из заседаний описал И.В. Гессен, случайно там оказавшийся: «За длинным столом вразбивку сидело несколько министров, глубоко погружившихся в лежавшие перед ними бумаги, с краю возвышалась знакомая фигура старого друга Набокова, управлявшего делами Временного правительства, всем своим аккуратным видом тоже не соответствовавшего текущей обстановке; в центре князь Львов, точно всеми брошенный и озирающийся по сторонам, не оторвётся ли кто-нибудь от бумаг, чтобы прийти к нему на помощь. Керенского, Милюкова и Терещенко не было, они пришли к концу обсуждения, а некоторые конца заседания не дождались и уходили, не простившись. Мои объяснения отнюдь не отвлекли министров от бумаг, никто даже и головы не поднял». Причём, по оценке Набокова, то было образцовое заседание. Обычно же «между отдельными министрами идёт разговор, сливающийся в гул, и после заседания он не знает, как составить протокол и состоялось ли по тому или другому вопросу постановление»⁷⁶. Работа кабинета проходила фактически без повестки дня. Многие сравнительно маловажные вопросы занимали уйму времени. Так, согласно воспоминаниям А.А. Бубликова, обсуждение судьбы Пажеского корпуса заняло целых три часа⁷⁷. Обычно оживление наступало лишь в ходе закрытой части заседания или же во время работы контактной комиссии Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов⁷⁸.

Несмотря на всю неупорядоченность работы, новая власть многое перенимала у старой. Так, 8 марта 1917 г. было принято решение о скорейшем создании Малого Совета министров, в который бы входили товарищи министров⁷⁹. Подобное учреждение возникло ещё в столыпинские годы и имело целью снять с большинства руководителей ведомств обязанность присутствовать при об-

⁷³ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1922. С. 32.

⁷⁴ Там же. С. 33.

⁷⁵ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 154.

⁷⁶ Гессен И.В. Указ. соч. С. 365.

⁷⁷ Бубликов А.А. Указ. соч. С. 48.

⁷⁸ Набоков В.Д. Указ. соч. С. 33.

⁷⁹ Журналы заседаний. С. 56.

суждении незначительных управленческих вопросов, имевших, в сущности, технический характер. Ещё более значимо то, что бюрократический аппарат, оказавшийся в распоряжении Временного правительства, в значительной части был наследством «старого режима». Своего рода «чистка» прошла лишь в Министерстве внутренних дел⁸⁰.

При этом опытные сотрудники ведомств находились в растерянности, делопроизводство оказалось дезорганизованным. Сам внешний вид учреждений стал неряшлив. «Курьеры и сторожа бестолково мыкались от двери к двери, не понимая, кого нужно просителям, которые толпились массами в министерских коридорах и расходились... Всё вместе взятое производило впечатление какого-то временного пристанища пришлых людей»⁸¹. Внешне работа министерств шла в том же ритме, что и в дореволюционные годы. Однако опыт средних и нижних чинов не мог в полной мере компенсировать его отсутствие у руководителей ведомств и их ближайших помощников.

Перед министрами стояла сложнейшая задача организации рабочего дня, с которой они далеко не всегда справлялись. И в прежние времена даже наиболее искушённые бюрократы редко решали эту проблему успешно. Новые же министры «тонули» в потоке возложенных на них обязанностей. По воспоминаниям С.В. Завадского, «работая, что называется, во всю, Керенский по недостатку технической выучки разбрасывался, хватался за многое разом и не умел отгораживаться от мелочей... Несколько раз принимая меня в девятом часу утра, Керенский с несомненной гордостью говорил мне, что он накануне сидел в заседании Временного правительства до поздних петухов: до 3, 4 и 5 часов»⁸². Церетели постоянно не успевал поест. И в Таврическом дворце на председательском месте его регулярно видели с коркой чёрного хлеба или жующим яблоко⁸³. Это относилось и к их ближайшим сотрудникам. Так, А. Демьянов, возглавлявший департамент Министерства юстиции, вспоминал, что он принимал посетителей с 10 часов утра до 6–7 часов вечера⁸⁴.

Всё это, прежде всего, обуславливалось отсутствием элементарного опыта. Так, в Министерстве юстиции «на главные должности были назначены присяжные поверенные, может быть и хорошие люди, но беспомощные в деловом отношении. Так, директором 1-го департамента, ведавшего личным составом, [стал] присяжный поверенный Демьянов, человек добрый и порядочный, но ума и способностей не больших, абсолютно не знавший чинов судебного ведомства, а потому совершенно не бывший в состоянии справиться со своей задачей. Товарищем министра был назначен присяжный поверенный А.С. Зарудный... Очень искренний и порядочный, не без ораторского таланта, он был вместе с тем крайне неуравновешенным, увлекающимся и даже пристрастным человеком, в государственные дела он совсем не годился, а между тем несколько позже из товарищей министра он был сделан министром юстиции»⁸⁵. Впрочем, не все министры столь нещадно изнуляли себя работой. Например, М.И. Терещенко, будучи министром финансов, за всё время руководства ве-

⁸⁰ Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 155; Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 302.

⁸¹ Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели // Страна гибнет сегодня... С. 167.

⁸² Завадский С.В. Указ. соч. С. 33.

⁸³ Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн. 5. С. 48.

⁸⁴ Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. Т. 4. Берлин, 1922. С. 61.

⁸⁵ Таганцев Н.Н. Указ. соч. С. 243.

домством так и не выслушал доклад директора департамента Государственного казначейства, в сущности, ключевого своего сотрудника⁸⁶.

Заимствовало Временное правительство у прежнего и отсутствие внутреннего единства. Как и до февраля 1917 г., кабинет министров раздирали внутренние противоречия. Так, в первом составе Временного правительства неформальными лидерами стали П.Н. Милюков, с одной стороны, и А.Ф. Керенский, с другой. Обособленно держался А.И. Гучков⁸⁷. В последующих составах правительства эта проблема лишь усугубилась⁸⁸. Периодически возникали трения между министром торговли и промышленности и его коллегой по Министерству труда⁸⁹. Министр земледелия В.М. Чернов не мог проводить свои постановления, не находя поддержки у коллег. Более того, порой он встречал противодействие своим инициативам в собственном министерстве⁹⁰. По словам Ф.Ф. Кокошкина, во Временном правительстве периода второй коалиции был «внутренний кабинет», который «вершил наиболее крупные дела», куда входили Керенский, Терещенко и Некрасов⁹¹.

Таким образом, двойственность положения Временного правительства создавала условия для эскалации политического кризиса. Это была диктатура, стеснявшаяся своих диктаторских полномочий, революционная власть, не считавшая себя вполне революционной. Она объявляла себя лишь «местоблюстителем» будущего Учредительного собрания и отказывала себе в праве устанавливать новый порядок, но при этом фактически его учреждала. Более того, ею бы запущен процесс распада прежней конструкции власти, ставший неуправляемым. Не способное проводить собственный политический курс и, в сущности, его не представлявшее, Временное правительство оказалось во власти стихии, с которой невозможно справиться. И в итоге на Государственном совещании, 12 августа 1917 г., министру внутренних дел Н.Д. Авксентьеву приходилось констатировать отсутствие какого-либо правопорядка в России: «Теперь мы можем охарактеризовать внутреннее положение России как положение развала, распылённости власти, распылённости воли, групповых устремлений... Мы, Временное правительство, во внутреннем строительстве должны при помощи всех живых сил страны поставить во главу угла идею государственности и идею порядка»⁹². Проще говоря, действовавшая власть в лице своего видного представителя вынуждена была расписаться в собственной беспомощности.

По сути дела, об этом же говорил в апреле 1917 г. Г.Е. Львов, беседуя с генералом А.Н. Куропаткиным. Последний записал в своем дневнике: «Князь Львов сказал мне, что они [правительство] не думали заходить так далеко, как

⁸⁶ Бубликов А.А. Указ. соч. С. 32.

⁸⁷ Полнер Т.И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. М., 2001. С. 362.

⁸⁸ Там же. С. 367.

⁸⁹ Суханов Н.Н. Указ. соч. Кн. 4. С. 144–145.

⁹⁰ Шидловский С.И. Указ. соч. С. 141. Сам В.М. Чернов так формулировал эту проблему: «Цензовая Россия оказалась в этом вопросе [земельном] настолько чуждой трудовым толщам деревни, что не угадала, не поняла потребности нового правопорядка, созревшей в деревне. Цензовая Россия не верила тому, что здесь есть живые силы, ведущие определённые формы жизни и определенных новых рамок. Ей виделись только анархические силы. Цензовая Россия предпочитала отсидеться вместо того, чтобы разрешить поставленные задачи» (Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: В 3 т. Т. 3 Ч. 1. Февраль–октябрь 1917 г. М., 2000. С. 769).

⁹¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 735.

⁹² Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 17.

унесли их события. Мы теперь, сказал он, “как щепки, носимые на волнах”... Князь Львов мне сказал, что они вовсе не ожидали, что революция так далеко зайдёт. Она опередила их планы и скомкала их. Стали щепками, носящимися по произволу революционной волны»⁹³. Схожим образом ещё 2 марта оценивал ситуацию Милюков. Отвечая на вопрос посланника в Китае И.Я. Коростовца, есть ли надежда совладать с бурным настроением, охватившим страну, он заметил: «Сейчас мы стоим перед несущимся нам навстречу потоком. Этот поток, если мы станем прямо против него, не приняв никаких мер, конечно, неминуемо всё перед собой сметёт. Но если мы сумеем как-то отклонить его порыв и направить его в более тихое русло, то, я надеюсь, справиться будет можно. Надо попытаться это сделать»⁹⁴. Заведомо отказавшись от инициативы, Временное правительство отдалось во власть стихии, которой поначалу даже рассчитывало управлять. В действительности это никому не удавалось. Прорвав сдерживавшие «плотины», бурный поток событий понёс за собой и правительство, которому приходилось приноравливаться к быстро менявшимся обстоятельствам революционного времени.

⁹³ Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. Т. 20. С. 65–66.

⁹⁴ Татищев Б. «Крушение» 1916–1917 гг. // Возрождение. 1949. № 4. С. 131.

Номенклатурная революция: региональные руководители в СССР в 1936–1939 гг.

Олег Хлевнюк

Nomenklatura Revolution. Regional party leaders in the USSR, 1936–1939
*Oleg Khlevniuk (National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

Во второй половине 1930-х гг. в СССР была проведена масштабная чистка номенклатурных руководителей, которую можно назвать кадровой революцией. На смену действовавшему поколению партийно-государственных функционеров в кратчайшие сроки пришло новое, что явилось залогом окончательного утверждения диктатуры Сталина. Более того, эти фундаментальные изменения оказали долгосрочное воздействие на развитие страны, поскольку многие из предвоенных выдвиженцев оставались у руля государства вплоть до 1980-х гг. Их опыт и мировоззрение, сформировавшиеся на начальном этапе головокружительных карьер, стали важным фактором советского политического процесса.

© 2016 г. О.В. Хлевнюк

Статья подготовлена в результате проведения исследования за счёт субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной Национальному исследовательскому университету «Высшая школа экономики».